

Образное пространство храма и молитвенное правило ко причащению Святых Христовых Таин

Насколько естественно и гармонично устроена живопись храма, насколько она сообразна с основным назначением православного Богослужения, сообразна с основным и единственным средоточием происходящего за литургией – Самим Богом и Славой Его, познаваемой в символе. Сообразна ли живопись со Христом, воспринимаемым нами в причащении Святых Таин, в длительном деятельном стяжании Бога человеком, в присоединении Богом – человека к Себе. Насколько сообразна живопись единственной чаемой цели Богослужения - уделению Богом человеку Своего Божественного бытия от неизреченной невообразимой милости к обретению человеком – части с Богом во причащении Божественного естества. К этому невообразимому назначению – устроено общее делание литургии, в этом – суть происходящего в храме таинства, совершаемого и возобновляющегося до скончания века. К этому таинству из удаления личностей – собирается в единое существо - Тело Христово, приуготовленная к таинственному восприятию, причащению Бога многоликая церковь. К этому таинству – и направляет собирающуюся и литургисающую церковь – образ, вмещающий в себя Богослужение и молящихся, облакающий облачением Христовым каждого приникающего и всё мистическое тело церкви.

Понудим себя не к одному лишь только отвлечённому осознанию этого, но усилимся соотнести видимый нами пространственный образ в храме с текстом молитв ко причащению. Попробуем прочитывать молитвы ко причащению Святых Христовых Таин ввиду образа, в виду образа, уже рассмотренного нами достаточно детально, можно сказать, освоенного нами. И, вместе с тем, отвлекаясь, удаляясь от его частностей, не присматриваясь уже, но осозная себя внутри образного пространства. Мы не станем дословно сопоставлять и тем более противопоставлять изображение со словами молитв. Мысленно соотнесём соотносимое, как общую направленность, усилимся уловить изобразительный образ и произносимое слово как бы единовременно, неразрывно и удивимся гармонии и внезапному объёму проявляющегося смысла в сочетании, во взаимном дополнении, согласии образности, слышимой, произносимой – и видимой, символически окружающей, объемлющей нас в литургии. Изменчивы живописные стили, разнообразны композиционные структуры и достаточно незыблем текст молитв, направляющих ко Христу, приготавливающих в причащению – неизменен от отцов, святых создателей литургии. Эти молитвы могут прочитываться келейно, каждым намеревающемся приникнуть к таинству за общим служением. Эти же молитвы могут звучать в храме и звучат в нём непосредственно перед причащением, - и тогда они уже не являются частью литургии, но наполняют собою длительную тишину приготовления Святых Таин к пре-поданию верным, тишину, в которой приникают к Таинам священнослужащие пред алтарём. В этой протяжной тишине – вновь звучат молитвы, уже прочитанные келейно, хорошо знакомые по возникающему, созвучному им состоянию, - и приготавливают уединённое человеческое сердце в соборном Теле Христовом, - воздвигают его устроение, его расположенность к причащению. Также, подобно молитвам приуготовительным, – уготавливает ко Христу, к причащению Его – и образ, как «прочитываемый» видимо, как и вне видимости своей – окружающий, вмещающий, облакающий Христово Тело церкви... каждого человека в едином мистическом Теле.

Прочитывая молитвы, в этом сопоставлении, будем останавливать своё внимание на отдельных лишь мгновениях, словах и смыслах словесных образов, особенно точно, наглядно согласующихся с образом пространственно - живописным.

Вот, в молитве святого Василия Великого прочитываем постепенно усвоенное нами, сразу распознаваемое на слух и взглядом, легко возбуждающее нашу естественную отзывчивость, - слышим знакомое слово в окружении образа и при совершаемой литургии – слышим, проживая, словно бы возвращаясь словом в своё естественное человеческое состояние из блужданий далече от глубин своего естества - слышим: «...Согреших бо, Господи, согреших на небо и пред Тобою, и несмы достоин воззрети на высоту славы Твоея...» Насколько же органично это ощущение, возникающее из молитвенного воззвание, воздыхания – насколько естественно согласно, сочетаемо, единообразно с тем, что изображено в храме. Не притягателен образ Пантократора для нашего взгляда, - не привлекает он к себе (Он к Себе), но – вызывает образно, опосредованно образом, – и «несмы достоин, – именно я не достоин теперь, - воззрети на высоту славы Твоея» - таков естественный отклик образу из глубины сердечной. Словно бы обжегшись об эти высоты славы, - отпрядывает наш взор, словно бы встретивший солнце, стиснувшее до боли сердечные очи, ощутившие в покаянии собственную темноту, собственное недостоинство, собственную нечистоту. Возможно ли из этой обнаруженной в себе тьмы колодезной – пристально глядеть, да что там, хоть бы мельком – взглянуть на высоты славы Господней. И - отводим взор от образа Пантократора, даже и не обратим в высь теперь своего лица, услышав молитвенный образ, в молитвенном устремлении не поднимем очей к образу Вседержителя, всем своим естеством ощущая Его над собою... над покаянием своим. Прочитываем далее, в той же молитве: «...всего себе повинув греху, и сластем поработив, и Твой осквернив образ; но творение и создание Твое быв, не отчаяваю своего спасения окаянный, на Твое же безмерное благоутробие дерзая, прихожду...» Вот так – утешительно, ободряюще – сочетается с одной стороны невозможность поднять лица из глубины личной поврежденности грехом, взглянуть на лик Пантократора изнутри собственного недостоинства, - и вместе с тем молитвой и образом – возбуждается дерзновение – к причащению, к обретению своей части.... Частицы, участи со Христом. Из личного окаяинства – через раскаяние – в устремлении к приходу в безмерное благоутробие Божие. Здесь – образ таинственного и само таинство – здесь же. На стыке бездны греха и безмерной милости – произволение Духа Святаго, ищущего Своего приложения, своего места в нас, жаждущего дышать в человеке. И - возносим свой взор, вновь дерзающий прильнуть к видимому образу. Сколь согласно возникающее ощущение с видимым нами, нестерпимым взору изображением. Притягательна красота непреступная и взывающая нас... «...яко да и аз со всеми избранными Твоими общник буду нетленных Твоих благ, яже уготовал еси любящим Тя, Господи, в нихже препрославлен еси во веки» - в окончании той же молитвы. Общник... В со-общение со избранными Твоими – и меня, как части Твоего целого, как части церкви – моей – прими, не отринь... И не отъединены от нас, молящихся, образы святых – избранных. И нет мертвых но действительно - живы все – молящиеся zde и представленные в видимых нами образах. Святые – едины с Церковью и не отстранены от нас, от меня лично. О общник с ними – буду, есть и, со-обща со святостью святых, образно включенный в святость – предстою теперь, пребываю здесь. В них же, во святых Твоих - Ты препрославлен еси, - среди любящих Тя. Вот так объемлющий образ, есть символически – вмещающая нас любовь. Образ общей любви к Богу - включает нас в свои образные просторы, в пространство живой любви, - понимаем это так: образ - включает в себя, приобщает себе к сообщению Нетленных Благ.

Или же, вот, - молитва святого Иоанна Златоуста ко святому причащению: «...да под кров внидеши храма души моея, занеже весь пуст и пался есть, и не имаши во мне места достойна еже главу подклонити...» Под кров храма души. Человек, пребывающий за литургией, как бы одушевленный храм – образ Господний – жаждет впустить в своё

сознание образ Пантократора и всего Бога – вместить по благодати в своё человеческое естество. Воображение образа живописанного в образ Божий вочеловеченный – не есть иллюзия, не есть фантазия, самообман, но действенное и действительное соприкосновение со Христом, нахождение во Христе части своей. Есть обретение в человеческом личном бытии – события Божиего. Соприкосновение образов становится действительным соприкосновением первообразов... точнее – Первообраза, обретающего Себя в образах соприкасающихся. В этом соприкосновении таинственно осуществимо – соприкосновение со Христом, вникающим под кров храма моей души... входящего – «внидеши!» - под кров, внутрь моего естества, во внутреннего человека. Образ Пантократора не остаётся только лишь над нами, вне нас, но нисходит на наши моление, пронизательно, проникновенно... - образно проходит глубже, и Бог таинственно вникает в самую глубину, внутрь человека Святыми Дарами в таинстве – проникает в составы причащающегося человека, соединяющегося с Богом. Не пустотного – чаем и взываем в себя, восклицая привычное: «всели Ся в ны», «помилуй мя», - жаждем и кличем к себе, требуем призывно уделения нам, наделения нас, одаривания себя частью Божества. Конечно же, не словами произнесёнными уподобим себя Первообразу, и вообще не словами изречёнными, устремлёнными в неведомую и долго безответную нам даль. Но стуча словами в двери образа, ждём ответного проникновения под кров моего личного храма души – ждём вхождения личного Бога – и не менее того – милости, как ответа - чаем, взывая о милости – «Господи, помилуй – мя». «...не ймаши во мнѣ мѣста достойна еже главѹ подклонити, но якоже с высотѣ нас ради смирил еси Себѣ, смирися и ныне смиренію моему...» Уменьшается Бог – и мы помышляем о кеносисе – Само-умалении, Само-опустошении, Само-ограничении Бога Невместимого, в-ходящего в ограниченность нашей души, нашего человеческого естества и составов. Безграничный Бог ограничивает Себя, вникая в нашу определенность, одаривая нашу предельность Своею внеграничностью. Именно об этом говорит святитель Иоанн Златоуст, составляющий молитву ко причащению. «...во осквернённое моѣ тѣло внѣти» - и вникает в человека Причастием – Бог, не имеющий в Себе никакого греха и никакой скверны. «...в приложѣние Божѣственныя Твоея благодати, и Твоего Царствія присвоѣние...». Воистину, пребывая внутри образа, состоя как бы частью образа всем своим существом, всю свою от природы и во святом крещении - заданностью ко спасению, - мы действительно переживаем в себе ничто иное, как опыт взаимоотношения со славой Господней – опыт проживания, присвоения, усвоения Царствия Божьего. Презрительно дерзновенно произносим в молитве, желая никак не менее того по неизреченной милости Господней, - «...в приложѣние Божѣственныя Твоея благодати, и Твоего Царствія присвоѣние...». Присвоенное по милости Божьей Царствия Господнее – становится моим, усвоенным мною. И я – присвоенный, усвоен Богом - пребываю внутри Царства Его – образно - уже сейчас. «Да... причастник славы явлюся» - не менее того, как о причастии славы Господней – молим в каноне к Ангелу – Хранителю перед причащением, молим – ошутительно, наглядно - и пребываем внутри образа Господней славы. В ответ на призывное восклицание о милости «Господи, помилуй!» - о милости, как о помиловании во грехе и, вместе с тем, о милости, как о благодатном улеивании от благоутробия Господега, - в ответ на это наше взывание – скоро, во благовремении – воспримем, - быть может, не вместимое, не распознаваемое ошутительно, - верою воспримем преизобильную и безмерную милостыню и невместимую милость – Славу Господнюю, полыхающую светло, просвещающую Славу. Ты, один лишь Ты – слава моя, истинная слава нашего соборного – собранного во Едином нашего крепкого во Христе «ны». И Тебе, Твоя от Твоих, - славу воссылаем, возвышая, дерзновенно поднимая лица

свои от земли, ободряемые от пучин греховных, - внутри образа Твоего. И, осенив – ознаменовав себя знамением крестным – воз-нис-посылаем полученное, не присваивая Славы себе, - воздаём, - прославляя Славного, воссылая Славу ко Господу, во Славе сущему. Так всматриваемся в образ... или же – пребываем в нём изнутри храма, приникая к таинству. Пребываем внутри образа, вникая в молитву и приникаем к совершающемуся таинству, усиливаясь не отклониться, не удалиться «да не на мно́зе удаля́йся общёния Твоего́, от мы́сленнаго во́лка звероуловле́н бу́ду» - совершенно внятно – вторит этому усилию молитвенное воздыхание святителя Иоанна. К тому же, о том же – образ таинстводствующий, остерегающий, путеводящий, ободряющий в дерзновении ко Христу. Да не буду же зверо-уловлен диаволом нутри этого райского образного предстояния со святыми. «...всего́ мя́ обновí, и вкоренí страх Тво́й во удесéх мо́их, и освяще́ние Твое́ неотъёмлемо от мене́ сотвори́...» - продолжает Златоуст. И - прозвучало, растворилось, утихло слово святителя Иоанна, слово, отзывающееся, знакомое, изученное и привычное – утихло, - но оставлен перед нами незыблемый, исчезающий живописанный образ. «...вкоренí страх Тво́й» - и образно укоренено в храме живое письмо, являющее святость в совершенной близости от нашего недостойнства – и оживает страх, укореняющийся образом внутри человека, объёмлемого, вмещённого, вообразённого святостью святых. Это страх собственного недостойнства, падшести, страх Богом, умягчающим, уменьшающим Себя до абсолютной приближенности к человеку, до проникновения в человека. Страх личной нечистоты, не искоренимой человеческими усилиями, но исчезающей волею Божией, истираемой во мне, извергаемой из меня... таинством перемены ума, живущего в моих составах... таинством покаяния – извержения, таинственного изживания каина из глубин естества моего человека. «...сподобля́ мя́ и одесну́ю Тебе́ предстоя́ния со святы́ми Тво́ими...» Мы не знаем, о чём просим сей час... (Мк. 10:38), но в ответ на недомысленное прошение, таинственно - уподобляемся Богом – предстояния одесную Его вместе со святыми. Всё пространство храма, собственно, и есть эта десная – правая от Бога сторона избранных Богом – здесь никто не отвержен но «елицы вернии», - здесь пасомое и спасаемое стадо. Ничто в храме не указывает на участь с козлицами, - в живописном устройении Феофана Грека, как мы смеем мыслить о нём, не написан ад, не изображены отверженные, как мы повсеместно встречаем в позднейшей живописи... даже и в живописи соседнего «Знаменского» храма. На той же площади, на той же Ильинской улице, в храме, созданном для той же иконы Знамения... Живописание, художественное оживление образов отверженности от Христа, образов Суда неотъемлемо и порою заметно преобладает в живописи католической. Образы отвержения зачастую торжествуют в живописи, современной нам. Здесь же, внутри образа Феофана, перед нами и вокруг нас художественно запечатлён образно символический и, несомненно, практически духовный опыт автора, опыт его личного взаимоотношения со святостью, опыт приникания к святости и пребывания одесную Христа. Позволим себе помышлять так, уясняя образность авторских творений. И мы – помышляем о действительном духовном опыте пребывания автора живописи со Христом, повторимся, не фантазийного, не пустотно измышленного, но опыта практического, действительного и действенного, опыта, деятельно – утверждающего нас во Христе, поддерживающего нашу робость и несостоятельность в молитве. Именно так, от полноты сердечного ведения мастера, - проносит нам образ опытное и деятельное свидетельство о Христе, ободряя нас в предстоянии совсем не уединённо-личном, но «со святыми Твоими», - в едином и целостном образе, сообществе «невещественных Твоих служителей и пречистых сил, и всех святых, от века Тебе́ благоугоди́вших» - именно так по слову святителя Иоанна Златоуста. Мы, по осмыслении молитвы святителя, за литургией пребываем в области сообщения с

ангелами... и не только за литургией. Мы прочитываем молитвы и в келейном уединении, помышляя и возвышая себя мыслью о самой возможности приникания к святости и пребывания с нею в едином, нераздельном предстоянии грешного, вещественного человека со святыми, с невещественными служителями, благоугодившими от века. И вновь – помышляем здесь об опыте взаимного сообщения человека со Славой Господней, невместимой, непреложной и недомыслимо – близкой к нам. Так образ соответствует и содействует общему молитвенному настрою, православному мировоззрению и практическому устроению человека в приникновении к опытному Богообщению.

Или вот ещё, в молитве святого Симеона Метафраста, прочитываем: «Хотя́й па́ки прии́ти суди́ти вселённой пра́вдою, благоволи́ и мнѣ усрѣсти Тя́ на о́блацех, Судию́ и Созда́теля моего́, со все́ми святы́ми Твои́ми»... Благоволи усрести Тя на облацех – увидеть и увидев – встретить, воспринять Увиденного – Тебя. Мы в причащении встречаем Христа, пребывающего на облаках превыше-небесных, - встречаем со всеми святыми Его. По столь пронзительно высокому смыслу молитвы святого Симеона мы взываем о том, чтобы нам пребывать неотъемлемой, естественной частью сообщества святых – церкви, встречающей Христа. Мы в этом молитвенном слове жаждем войти в святость, частью святости – войти в чин живого действительного Богосыновства, как неотъемлемая часть церкви, устремлённая в едином предстоянии ко Творцу. Христос – входит, вникает на облацех желанием Своим, явлением Своим – судить вселенную и каждого в ней. И мы – предстоим Ему, встречаем это вникание, вхождение в нас. Не таковое ли ощущение обретаем и в образе, образующем литургию.

В молитве ко причащению святого преподобного Иоанна Дамаскина прочитываем привычное изречение, невместимое по существу высказанного: «Ты́ бо еси́ Бо́г ми́лости, и щедро́т, и человеколю́бия...» - и возможно ли, осмысливая произнесённое, - допустить суждение о действительном отстранении от Бога, от Его любви к человеку – помыслить об отстранённости от Первообразом вне последствий личной гибели в безобразии, вне безмерного умножения личного греха. Помысел об отстранении от Любви Господней внутри образного пространства храма переживается, словно бы бегство Адама, согрешившего в Раю, сокрывающего от Господа в райских кущах - себя в сущностно-смертной греховной гибели, обнажённого от Любви Господней. Возможно ли помыслить и пережить таковое, пребывая внутри образа, побуждающего к преодолению всяческой личной и соборной отстранённости от Христа. Возможна ли отстранённость, изверженность из общности святых в дарованной нам литургии – внутри объятий Господних, в проникновенной сени милости и щедрот Его. Возможна ли отстранённость внутри неотстранимой благодати, внутри неизживаемой, неборимой Любви Господней, проявленной в святости святых, изображённых вокруг, внутри Любви, физически – чувственно - проживаемой внутри образно-символического пространства храма. Мы соотносимся со своим Первообразом – Богом, буквально вслушивая, вчитывая, всматривая себя в Его образ, в этот бесценный дар символически-опосредующего взаимоотношения с Ним. Сочувствуя образу, соотносим себя со своим Первообразом в Господе... и да не обманемся угашением своих чувств, не примем личное бесчувствие за удаление, отстранение Бога – от нас. Образ, словно бы лампада возгревающая, – поддерживает нас в унынии перед нечувствием.

Проявленное человеколюбие Господнее – созерцаем в образах евангельских сюжетов: человеколюбивый Бог – входит в мир, проникает умалая Себя до смерти крестной за наш и только наш грех. Христос преодолевает нашу греховность и смертность Своим прохождением через смертные врата, Своею гибелью по человечеству.

Человеколюбие Господнее – и в образах пророков, вещающих, вносящих в грешный мир весть о грядущем Боге. И вот, совместно с образами о Грядущем – образ Его евангельского вхождения, проникновения Спасителя в мир сей. Человеколюбие Господнее – проявлено в ликах и чинах святости вокруг нас, проявлено и над нами, объемлемыми этим огромным, воистину монументальным образом. И не распознавая деталей изображённого, мы – внутри этого образного пространства... образного простора, возводящего ко Христу.

В виду образа - как будто некая новь перед нами – молитва святого Василия, Великого Богослова, в молитве этой - прочитывем и слышим от святителя напутствие ко причащению и ободрение в самом причащении: «в дерзновѣние и любовь, яже к Тебѣ; во исправлѣние житія и утверждѣние, в возвращѣние добродѣтели и совершенства; во исполнѣние заповедей, в Духа Святаго общѣние, в напутіе животá вѣчнаго, во отвѣт благопріятен на Страшнем судищи Твоѣм: не в суд или во осуждѣние». Упоительны, утешительны, преизобильны светлой радостью о Христе напутственные слова святых. И с ободрением от сна и ленности, от неведения и без-чувствования своего, - прочитываем и вникаем в эти слова молитв: «...во благо-приятен ответ на Страшном судищи...» Вникаем в слова изнутри образа, мы – уже внутри Славы Господней, опытно проживаем славу Его в себе, не обманываясь видимым, чувствуемым, вос-принимаемым. Наше восприятие увенчано, неоспоримо - подтверждено приятием Святых Даров, приобретением Христа, прониканием Живого Бога в наше естество. И что, как не проявленная слава – вокруг, - в милости Господней, в благодеянии Его к нам, в благолепии образа – объявшего нас, вос-принимающих Жизнь, уже преодолевшую Свой образ и вникшую в наши человеческие составы. Уже не заостряем внимания, не задерживаем своего взора на частностях, на Богословствовании, на играх сознания, но – пребываем внутри образа, в глуби благолепия, словно бы уже – в общении Духа Святаго, в «напутии Живота Вечного». Действительно – научаемся, воображённые, общению со Славою Господней и пребыванию в ней, научаемся образом бытию в жизни века неотвратимо грядущего и чаемого нами. «Ко благоприятному ответу» - на наше лепетание о себе – к ответу Христа, благо дарующего, облагодетворяющему нас.

Есть ли внутри этого пространственного образа хоть бы малая часть, отделённая, обесславленная, либо пребывающая в тени образа славного Богоявления, в тени образа нетварного света Пре-ображения Господнего. Существует ли таковая – опечаленная часть, удалённая, кроме части – во мне самом, утаённом и затенённом грехом, - не причастная к Единому на потребу. Изживается образом – изжигается, испепеляется эта смертная тень, безобразный грех не находит себе внутри образа никакого места, никакой своей части – и мучительно изводится образным проявлением, выяснением, высветлением всяческой тьмы. Нет никакой тьмы в Боге и в образе Его светлом.

Так, пролистывая молитвослов, находим всё больше и больше подтверждений тому, насколько живописанный образ – согласен с общим молитвенным чувствованием, молитвенным устроением, предшествующим принятию Христа, с молитвословием, образно приготавливающим человека к о-Божению причащением. И вот – молитва святого Симеона, Нового Богослова... «Дажь мѣ дерзновѣнно глаголати, яже хошѹ, Христѣ мой, паче же и научи мя, что мѣ подобает творити и глаголати». И далее – из ощущения глубокой повреждённости человеческого естества грехом, воздыхая молитвенно, – дерзостно восклицает святой отец ко Христу: «Сия дерзостна творят мя, сия вперяют мя, Христѣ мой. И дерзая Твоим богатым к нам благодеянием, радуясь вкупе и трепѣща, огнѣви причащаюся трава сый, и странно чудо, орошаем неопально, якоже ўбо

купина́ дрéвле неопáльне горя́щи» Меня, дерзостного, о-крыляет Твоя благодать, странная и ангельским чинам, и человеческим мыслям, - Ты беседуешь с нами, претворяешь нас ко общению, содержишь под крыльями Твоими. Образ крыльев в световом барабане, образ многокрылых ангельских сил, под сенью которых находится чин Богосыновства, просвещённый образом света нетварного, - под сенью крыл – пребываем и мы, тайнообразно представляя собою крылатых херувимов, оперённых, - «вперённых», как говорит молитва святого Симеона. Ты образно и духовно действенно - о-перяешь нас, наделяешь невидимыми крылами, - нас, пребывающих под сению крыл Твоих – таков образный язык молитвенного слова и живописный язык пространственной иконы. На крыльях ангельских – нисходит Бог, крыльями одаривает, о-крыляет в-перяемых людей, тайно-образных ангелов иже-херувимов, встречающих Его вхождение, - молящихся людей, составляющих Церковь, предстоящую ко причащению Христом, к восприятию Христа. Не причастны херувимы естеству Бога, утаивают, сокрывают от Него свои лики - и откровенно, превыше херувимов – текут образы Господние в человеках – к таинственному тайно-образованному - причастию Бога. Об этих глубинах, об этих высотах – говорит, слагает по буквам свой смысл молитва, - именно к этим смыслам возносит нас и видимый нами образ.

Вот, - молитвенное взывание святого Иоанна Златоустого, - возжигаемся от этого слова, воспламеняемся к таинственному приниканию ко Христу: «...от покаяния Тебе пришедшия вся, в лице Твоих друзей вчинил еси...» Единый лик друзей Божиих, почитываем так: сынов Господних, - единый лик покаянием воспринимает и нас, предстоящих. Единый лик в чинопоследовании Сыновства Господнего, единый лик святости, начатый от образа Пантократора, продолженный ангелами в световом барабане, чином Богосыновства, евангельскими сюжетами и святостью действительной, «реализованной» в прославленных людях – в святых. Великий, космичный лик святости окружает нас. В этот единый лик, чин, образом вмещён живущий в литургии человек. В лике – лице друзей Твоих в-чинил еси.. То есть, мы – в-чинены, под-чинены, со-чинены с чином друзей Господних и более того - сыновства Божьего... - разумеем так и утверждаемся слышимым нами словом святителя, укрепляемся образом, видимым нами.

Молитва святого Иоанна Дамаскина в последовании молитвословия ко причащению, прочитываем в ней: «Пред двéрьми хра́ма Твоего́ предстою́, и лю́тых помышлénий не отступáю; но Ты́, Христé Бóже, мытаря́ оправдívый, и хананéю поми́ловавый, и разбóйнику рая́ двéри отвэрзый, отвэрзи мí утрóбы человеколю́бия Твоего́ и приими́ мя́ приходя́ща и прикаса́ющася Тебе́...» Прими меня, прикасающегося к Тебе взиранием моим, чувствилищами моими... - прими меня, живого – Ты, Бог живущий, Бог живых, но не мёртвых – прими меня, прикасающегося к Тебе. Прикосновение это не есть некий лишь только мысленный, помышляемый акт, но действенное и физически передаваемое состояние: человек - прикасается к Богу, стяжает, привлекает, впускает Его, Невместимого – внутрь себя, - об этом говорит святой Иоанн Дамаскин, автор «Точного изложения православной веры», автор знаменитых апологетических трудов об образе Господнем. Бог - принимает человека, - об этом вызывает – восклицает слово молитвы. Прими – мя «...и просвети́ моя́ душéвныя чúвства, попаля́я моя́ грехóвныя вины́...» - просветиться от Господа должно чувствилищам моим зрящим и ощущающим, возносящимся херувимски к созерцанию Бога, приуготовливающимся к восприятию Его. Душевному чувствуванью должно быть просвещённым, освящённым, ибо, по слову святителя Иоанна: «Ты́ еси́ во́истинну Христóс, Сын Бóга жива́го, прише́дый в ми́р грéшныя спасти́, от нíхже пёрвый есмь́ аз». Видимый нами в бразе есть воистину Бог, - и

мы, действительно устремляясь к Нему, чаем воскресения мертвых и жизни века грядущего. Предмет этого чаяния не есть некая философическая максима, не есть одна только игра смыслов и фигура речи, совсем уж не красное слово – но истинное грядущее бытие, вникающее, соприкасающее-себя с бытием обстоящим и продолженным в нас. Жизнь, жительствующая за пределами видимого нами земного бытия, - жизнь, бытийствующая за пределами нашего ограниченного земного существования. Так глаголет молитвенное слово, великолепно... опытно и велеречиво – сказывает, произносит нам. И так же предъявляет нам образ. Смыслы, видимые, распознаваемые в образе вполне согласуются с единым, общим молитвенным устройением человека, устремлённого ко причастию Христа. Эти смыслы преподносятся и предлагаются нам к выговариванию, к прояснению привычными нам словами молитвенного правила, приготавливающего нас ко Христу входящему. Видим, воочию – видим смыслы эти же – присутствующими и торжествующе убедительными – в образах живописных, соединяющих, исцеляющих нашу разрозненность, приготавливающих наше целостное существование, целостного нашего человека - к восприятию Живого и Нераздельного в Лицах Бога.